

УДК 398 (470.6)

ББК 82.3 (235.7)

X 98

Хунагова Б. Д.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Адыгейского государственного университета, e-mail: ms.khunagova@mail.ru

Образ отца в младописьменных литературах

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются фольклорные мотивы и приемы создания образа отца, вошедшие в художественные поэтические произведения писателей Северного Кавказа. Показано, что в младописьменных литературах установлен конкретный, имеющий свой прототип в реальной жизни образ отца, старейшины, и именно он является основателем рода, хранителем традиций и помощником главного героя эпического произведения в физическом и духовном становлении. Установлено, что как и в горском фольклоре каждому из героев литературного произведения присуще высокое чувство сыновнего долга перед отцом, а для читателя это становится традиционной действительностью.

Ключевые слова:

Фольклор Северного Кавказа, фольклорные традиции, эпическая поэма, эпическая система, северокавказские литературы, национальное своеобразие, элементы фольклора, национальный образ, героико-исторический цикл, культ отца.

Khunagova B.D.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Philology Department, Adyge State University, e-mail: ms.khunagova@mail.ru

Image of the father in the young literatures

Abstract:

The paper deals with the folklore motives and methods of creation of an image of the father which entered art poetic works of writers of the North Caucasus. The author shows that in the young literatures there is a particular image of the father, elder, having prototype in real life. Just he is the founder of a family, the keeper of traditions and the assistant to the main hero of epic work in physical and spiritual development. Similar to mountain folklore, each of the heroes of the literary work is inherent in the high feeling of a filial duty before the father, and it becomes traditional reality for the reader.

Keywords:

Folklore of the North Caucasus, folklore traditions, epic poem, epic system, North Caucasus literatures, national originality, folklore elements, national image, heroic-historical cycle, father's cult.

Для фольклора всего Северного Кавказа самым характерным является культ предков, культ сына, связанный с древними представлениями о Творце, Создателе:

отце, деде, прадеде. Создатель – отец, глава. Этот образ в национальной литературе несет «особую идейно-художественную функцию (например в стихотворении А. Ургенова «Думы отца и матери»). Фольклорная функция сакрального образа деда как старейшины – помогать героям в трудных ситуациях, быть «наставником» – представлена в литературном выражении, например, в «Серебряном деде» М. Батчаева. Сакральная сущность прадеда выражена обычно в литературно-эстетическом видении как основа рода (часто в высказываниях, воспоминаниях героев). Образы отца, деда, прадеда создают в литературе галерею характеров» [1: 70].

Но чаще всего в кавказских сказаниях и песнях герой не имеет отца или рождается круглым сиротой. Так, герой адыгского нартского эпоса – Сосруко – не знает своего отца и воспитывается «неродившей матерью» Сатаней-гуашей и нартским кузнецом Тлепшем. Отцы других нартских героев – Ашамеза и Батараза – погибают еще до рождения своих сыновей. Также не имеет последовательной разработки образ отца нарта Бадиноко, разные сказители дают ему разные имена.

В поэме Расула Гамзатова данная тенденция реализована лишь частично – отец героя отсутствует непосредственно в момент рождения сына, он, как и отцы некоторых фольклорных персонажей, воюет за независимость своего народа:

Но мой отец в тот день стрелял в бандитов, –

Быть может, в честь рожденья моего [2: 277].

Чувство долга в личности героя устной горской поэзии и прозы, как потом и в письменной литературе, достигает значительных высот. Герой не нарушает многовековых традиций своего народа и относится с большим уважением к собственным родителям и, тем более, к прародителям. В произведениях героического цикла народ со всей ясностью ставит проблему благородных взаимоотношений между ро-

дителями и детьми, чему придает весомое значение в реальной, практической жизни. Отец – это мудрый старейшина, который помогает герою в физическом и духовном становлении. Именно об этом пишет Л. М. Сафина: «Особый вид мудреца появляется в стихотворениях Р. Хариса. Старец – символ обретенной духовной цельности: он прожил целую жизнь и представляет ее законченную духовно-временную целостность» [3: 53]. Образ мудреца, философа, мыслителя и наставника, ведущий начало от образов нартов, в северокавказских литературах встречается часто. Герой-старейшина горского эпоса отмечен мудростью, которая составляет основу его характера. В данном случае обнаруживает себя древняя традиция горцев, связанная с почитанием мудрости, традиция, которая складывалась веками. Именно посредством этой мотивации горский фольклор активно соотносится с современной литературой.

Так, у Кайсына Кулиева отцу посвящается большая часть – шесть из восьми частей его «Чегемской поэмы». Причем в данном случае образ отца плавно и неторопливо проистекает из образа родного поэта аула – Чегема, и на протяжении всего дальнейшего повествования, обращенного к отцу, незримый дух другого персонажа – аула Чегема – постоянно присутствует в высказываниях, откровениях, риторических вопросах и обобщениях автора. Он сопровождает многие детские воспоминания и взрослые размышления поэта. Превалирующими же здесь, несомненно, являются следующие: ощущение боли любящего сына при осознании своей ранней утраты, чувства неизменной гордости и неисчерпаемой благодарности сына по отношению к отцу. Именно эти настроения и определяют тональность «Чегемской поэмы» Кайсына Кулиева.

Образ отца поэта – Гамзата Цадасы – можно считать порой активно действующим, порой незримо присутствующим, но в любом случае, живо сопровождающим большинство авторских повествований Расула Гамзатова. Иногда на страницах произ-

ведений выстраивается непосредственный диалог поэта-младшего с поэтом-старшим. В связи с тем, что диалог, как правило, является одним из элементов детальной разработки эпизода, он отражает, прежде всего, отношение к явлениям первостепенной важности, так как подробнее описывается обычно то, что представляет больший интерес для реализации идеи сказания (в случае с фольклором) и поэмы (в случае с Р.Гамзатовым). Поэтому диалогическая форма характерна для эпизодов, описывающих сильное эмоциональное напряжение. Иногда у Р.Гамзатова изложение мыслей автора осуществляется в форме обращения к опытному собеседнику, иногда отец – ведущий персонаж, или его присутствие просто подразумевается. Таковыми можно считать следующие поэмы Расула Гамзатова: «Разговор с отцом», «Брат», «В горах мое сердце», «Год моего детства» и др.

При этом в большинстве случаев при обращении автора к образу своего отца происходит весьма осязаемое и легко прослеживаемое воссоздание этой живой и многогранной личности – человека и поэта Гамзата Цадасы. К примеру, в процессе развития сюжета поэмы «Брат» этот родной автору человек – его отец – предстает, в первую очередь, именно человеком – с собственными тяготами, со своей непреходящей и безграничной болью, вызванной потерей в ходе войны одного из своих сыновей, и сопровождаемый в пути другим сыном:

*Две горьких, две трудных слезы обронули
Два горца, домой уходя.*

Казалось, что с круч дагестанских к могиле

Скатились две капли дождя [4: 312].

В данном случае следует уточнить, что имеющий место в поэме Р.Гамзатова образ плачущего мужчины в некоторой степени перекликается с аналогичным образом в горском героико-историческом цикле. Так, в ходе развития сюжетной линии одного из адыгских сказаний об Айдамиркане герой, предающий своего славного товарища, так переживает собственное пре-

дательство, что не в силах сдержать слез.

Подобное развитие событий, приводящее к настолько сильно выраженной эмоциональной реакции героя – абсолютно внезапная для эпической системы инновация, которая, как считают исследователи, даже в позднем эпосе не имеет аналогов. Образ плачущего мужчины – чрезвычайно странное для строгих установок горского героико-исторического эпоса явление. Оно может быть истолковано только как углубление психологической характеристики персонажей. Поэтому в данном случае совершенно правомерно вести речь о достаточно значительной психологической мотивации, что весьма выразительно подтверждает тенденцию продвижения тогдашнего эпоса к новому качественному принципу создания художественного образа – от однозначного образа-типа к образу индивидуальному.

Но круг близких людей, которыми восхищался и которым почти поклонялся на страницах своих произведений Расул Гамзатов, не исчерпывается его родителями. Так, его небольшая по объему, но весьма экспрессивная поэма «Мой дедушка» (1951) целиком посвящена восторженному воспеванию главным героем собственного деда, эмоциональному изложению его многочисленных достоинств:

Мне на все мой дедушка

Может дать ответ.

И не стар мой дедушка,

Хоть ему сто лет [2: 388].

Другая традиция, содержащаяся в кавказском фольклоре, связана с судьбоносным моментом рождения ребенка и с процедурой называния новорожденного. Это традиция называть ребенка именем незнакомца или малознакомого героя, сыгравшего важную роль в жизни родителей, чаще всего отца. Как и в вышеупомянутой поэме Расула Гамзатова «Год моего рождения», автор, недоумевая, в честь кого же все-таки ему было дано имя, приходит к выводу о том, что он унаследовал имя бойца – друга отца:

*Я именем своим всегда гордился.
Так был отцом я назван в честь бойца,
Который умер на руках отца,
Узнавшего в тот день, что я родился [2:
179].*

Таким образом, углубление личностного начала, зарождавшееся уже в произведениях национального фольклора, отразилось на весьма частых для поэзии Расула Гамзатова персонажах – образах его собственных родителей.

Так, если обратиться к горскому фольклору, то каждому из героев нартского эпоса присуще высокое чувство сыновнего долга перед отцом, попавшим в беду. Руководствуясь им, к примеру, адыгский нарт Шабатыныко едет спасать своего отца Орземеса.

Особенно раскрывающей преклонение сына перед отцом является поэма Расула Гамзатова «Родина горца». В своем обращении к непосредственному собеседнику поэт делится своими живыми воспоминаниями, размышлениями, обнаруживает эмоциональные и конкретные детали процесса своего становления, нравственного и личностного. Так, к примеру, в начальных же строках поэмы возникает деталь подобного эмоционально-психологического характера – чувство гордости взрослого мальчика за отца.

Здесь следует отметить, что вообще понятия о слабом и сильном роде, о «чистоте крови», консервативная и устойчивая убежденность в собственной родовой незаурядности – все эти установки являются наследием патриархально-родовой идеологии, сильно укоренившись и потому весьма живучими в горской среде. Таким образом, закономерным следует считать наличие подобного мотива – благоговение перед родом отца, восхищение своими мужественными, «крепкими и плечистыми» дядями, – в психологии подростка – героя поэмы Расула Гамзатова «Родина горца».

Нередко у Расула Гамзатова срывает принцип, явно прослеживающий-

ся в народных устно-поэтических творениях: величественные, сурово застывшие горы (персонажи его поэмы «Разговор с отцом») выражают непосредственную сущность нравственного идеала героя – его отца, его прадеда:

Гора - как скакун под седлом белоснежным.

Не тает седло даже в летнее время.

Седая гора среди зелени свежей,

Как прадед, стоит, возвышаясь над всеми [2: 6].

Как самый родной человек, как отец в свое время, они возносят его над мелкими страстями, над сомнениями, обидами, погружают в мир благородных и возвышенных чувств и мыслей, дают возможность по-новому увидеть привычное, понять жизнь в ее простых и бесхитростных проявлениях, достичь совершенной гармонии:

Пусть любые ведут обо мне разговоры,

Я тоскую везде с незапамятных пор

По тропинкам, что круто взбираются в гору,

По студеным потокам, что катятся с гор («В горах мое сердце») [2: 328].

Горная вершина всегда служила для горцев непосредственным ориентиром в пространстве. Как справедливо замечает по этому поводу современный исследователь художественного сознания адыгов Ю.Тхагазитов: «Горы, исполняющие в адыгском романе функции мировых координат, духовного ориентира, общечеловеческой вневременной модели мироздания, сублимируются в социально детерминированное пространство, и в этом качестве они имеют всегда функциональный характер, определяя жанровую типологию романа» [5: 213].

Несомненно одно: как и в горском фольклоре каждому из героев литературы Северного Кавказа присуще высокое чувство сыновнего долга перед отцом, попавшим в беду. Все остальные чувства блекнут перед этим, и персонаж может целиком отдаться только ему.

Примечания:

1. Боташева З.Ш. Родство фольклора и литератур Северного Кавказа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2008. Вып. 1. С. 69-74.
2. Гамзатов Р. Собр. соч.: в 5 т. М., 1980. 297 с.
3. Сафина Л.М. Особенности воплощения идеала мужчины в поэзии Р. Хариса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2011. Вып. 3. С. 51-55.
4. Гамзатов Р.Г. Поэмы. М., 1983. 520 с.
5. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1996. 256 с.

References:

1. Botasheva Z.Sh. The affinity of folklore and literatures of the North Caucasus // The Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2008. Iss. 1. P. 69-74.
2. Gamzatov R. Coll. of works: in 5 v. M., 1980. 297 pp.
3. Safina L.M. Features of the embodiment of man's ideal in R. Harris's poetry // The Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Maikop, 2011. Iss. 3. P. 51-55.
4. Gamzatov R.G. Poems. M., 1983. 520 pp.
5. Tkhangazitov Yu.M. Evolution of literary consciousness of the Adyghes. Nalchik: Elbrus, 1996. 256 pp.